«Дипломатия» запретов: сравнительный анализ подходов к выдаче антиисковых запретов в России, Англии и Уэльсе и Франции

Никоев Нерсес Гургенович
Аспирант кафедры Международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Nikoev_n_g@my.mgimo.ru

В статье исследуется феномен антиисковых запретов как инструмента процессуального противодействия в международном частном праве на примере трех юрисдикций: России, Англии и Уэльса, а также Франции. На основе сравнительного анализа выявляются фундаментальные различия в доктринальном обосновании и процессуальных механизмах выдачи данных судебных актов. Особое внимание уделяется влиянию санкционных ограничений на эволюцию судебной практики в каждой из рассматриваемых стран. С опорой на анализ дела *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* демонстрируется, как английские суды, используя механизм антиискового запрета, восполняют процессуальный вакуум в ситуациях, когда суды места арбитража (Франция) лишены аналогичных полномочий, а суды страны происхождения истца (Россия) применяют законодательство об исключительной компетенции для нивелирования арбитражных соглашений. Автор приходит к выводу, что в современных условиях антиисковые запреты трансформируются из технического средства борьбы с недобросовестным процессуальным поведением в элемент «дипломатии запретов», отражающий глубинную фрагментацию международного правопорядка и столкновение различных концепций суверенитета.

Ключевые слова: антиисковый запрет, международный гражданский процесс, международный коммерческий арбитраж, исключительная компетенция, санкционные ограничения, процессуальное противодействие, международная вежливость, Нью-Йоркская конвенция 1958 года, сравнительное правоведение, юрисдикционный конфликт.

Институт антиискового запрета представляет собой одно из наиболее дискуссионных явлений современного международного гражданского процесса. Будучи порождением системы общего права, данный механизм, предполагающий вынесение судом одной юрисдикции запрета в адрес стороны воздерживаться от инициирования или продолжения разбирательства в суде другой юрисдикции, неизменно вызывает вопросы о его совместимости с принципами международной вежливости и суверенитета государств. В континентальной правовой традиции антиисковые запреты, как правило, рассматриваются как неприемлемое вмешательство в отправление правосудия иным национальным судом. Однако в последние годы, преимущественно под влиянием геополитических факторов и санкционного давления, отношение к данному инструменту претерпевает существенные изменения, а его применение приобретает новые, подчас неожиданные очертания.

Настоящее исследование ставит своей целью проведение компаративистского анализа подходов к выдаче антиисковых запретов в трех юрисдикциях - России, Англии и Уэльсе (как классической юрисдикции общего права) и Франции (как представителе романо-германской правовой семьи). Выбор данных правопорядков не случаен: он обусловлен их значительной ролью в международном коммерческом обороте, а также различными, порою диаметрально противоположными, доктринальными основаниями, на которых строится судебная практика в этой сфере. Особый интерес представляет дело *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC*, в котором пересеклись интересы всех трех рассматриваемых юрисдикций, что позволило наглядно продемонстрировать как доктринальные расхождения, так и практические последствия применения (или неприменения) антиисковых запретов в условиях санкционного режима.

Антиисковый запрет является классическим инструментом английского права справедливости, берущим свое начало в практике суда канцлера. В современном английском праве основанием для вынесения антиискового запрета служит положение section 37(1) Senior Courts Act 1981, наделяющее Высокий суд полномочием издавать запретительные судебные приказы (injunctions) во всех случаях, когда это представляется справедливым и законным. Однако доктринальное обоснование этого института выходит далеко за рамки процессуальной нормы: антиисковый запрет в Англии рассматривается как средство защиты договорного права стороны на разрешение спора в согласованном порядке - будь то третейское разбирательство или суд определенной юрисдикции[1].

Классическая формула, определяющая условия выдачи антиискового запрета, была сформулирована в деле *The Angelic Grace* [1995] 1 Lloyd's Rep. 87, согласно которому английский суд, установив наличие действительного арбитражного соглашения, будет, как правило, выносить запрет на ведение параллельного разбирательства за рубежом, за исключением случаев, когда имеются убедительные причины для отказа. Данный подход демонстрирует ярко выраженную проарбитражную направленность английской судебной системы и ее готовность активно защищать договорные обязательства сторон. Долгое время сдерживающим фактором для экстерриториального применения английских антиисковых запретов служило право Европейского Союза, в частности Регламент Брюссель I

(пересмотренный), который, по толкованию Суда Европейского Союза, не допускал выдачи антиисковых запретов, направленных против разбирательств в судах иных государств-членов. Однако выход Соединенного Королевства из состава Европейского Союза (Brexit) кардинальным образом изменил правовой ландшафт, освободив английские суды от указанных ограничений. Как справедливо отмечается в доктрине, это событие усилило готовность английских судов расширять свою юрисдикцию в части выдачи антиисковых запретов.

Наиболее ярким подтверждением данной тенденции является уже упоминавшееся дело *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC*, в котором Верховный Суд Соединенного Королевства в своем решении от 18 сентября 2024 года (UKSC 2024/0015) сделал два исключительно важных вывода, имеющих фундаментальное значение для развития института антиисковых запретов [2].

Во-первых, Суд подтвердил, что выбор сторонами места арбитража (в данном случае - Париж) не лишает английский суд компетенции на выдачу антиискового запрета, если арбитражное соглашение регулируется английским правом. Разрешая спор о применимом праве, Суд применил принципы, установленные в деле *Enka Insaat Ve Sanayi AS v OOO Insurance Company Chubb* [2020] UKSC 38, и пришел к выводу, что поскольку банковские гарантии были прямо подчинены английскому праву, это выбор должен распространяться и на арбитражные оговорки, которые в них содержатся. Суд особо отметил, что нет оснований для исключения арбитражной оговорки из сферы действия оговорки о применимом праве, если только стороны прямо не предусмотрели иного. Более того, Верховный Суд фактически дезавуировал положение из решения *Enka* (пар. 170(vi)(a)), которое допускало, что выбор места арбитража может свидетельствовать о намерении сторон применить право этого места к арбитражному соглашению, если право места содержит соответствующее правило. Данное положение признано не подлежащим применению как вносящее неоправданную сложность в правоприменение.

Во-вторых, Верховный Суд решил вопрос о надлежащем месте рассмотрения иска о выдаче запрета. Суд указал, что выбор Парижа в качестве места арбитража не делает французские суды единственно возможным форумом для рассмотрения вопроса о нарушении арбитражного соглашения. Ключевая функция судов места арбитража - это содействие самому арбитражу, а не исключительная прерогатива по пресечению нарушений арбитражного соглашения. Критическим обстоятельством, повлиявшим на решение Суда, стал тот факт, что французские суды, как было установлено на основе неоспариваемых доказательств, не обладают полномочиями по выдаче антиисковых запретов и не имели бы компетенции для рассмотрения иска UniCredit о нарушении арбитражного соглашения. Можно допустить, что обращение к французскому суду было бы для UniCredit бесполезным. Кроме того, Суд подчеркнул, что арбитры в парижском разбирательстве также не смогли бы предоставить эффективную защиту, так как их решения предположительно не обладают принудительной силой в России. В таких обстоятельствах, когда единственным доступным средством правовой защиты является английский антиисковый запрет, его выдача не только допустима, но и является единственным способом реализации принципа *pacta sunt servanda*.

Примечательно также, что в ходе данного разбирательства английские суды проявили готовность идти дальше простого запретительного приказа (prohibitory injunction), вынеся обязательный судебный приказ (mandatory injunction), обязывающий RusChemAlliance отозвать свой иск из российского суда. Это демонстрирует решительность английской судебной системы в защите арбитражных соглашений и готовность применять самые строгие меры воздействия на сторону, нарушившую договорную обязанность разрешать споры в арбитраже. Неисполнение антиискового запрета в Англии влечет за собой серьезные последствия, вплоть до привлечения к ответственности за неуважение к суду, что включает штрафы, арест активов и даже лишение свободы в исключительных случаях [3, 4].

Следует обозначить, что будущее английского права в этой сфере вероятно связана с недавней реформой законодательства об арбитраже, которая предполагает, что при отсутствии прямого указания сторон применимым правом к арбитражному соглашению будет считаться право места арбитража. Однако, как показало решение Верховного Суда в деле *UniCredit*, сторонам по-прежнему открыта возможность прямо указать, что арбитражное соглашение регулируется английским правом, что сохранит юрисдикцию английских судов по выдаче антиисковых запретов в поддержку арбитражей с местом проведения за пределами Англии.

Эволюция российского подхода к антиисковым запретам представляет собой наиболее радикальный пример трансформации процессуального института под влиянием внешних факторов, в первую очередь - санкционных ограничений. В отличие от Англии, где антиисковые запреты рассматриваются как средство защиты договорных прав, российское законодательство, по сути, превращает их в инструмент государственного ответа на действия иностранных юрисдикций, вставших на путь ограничения российского суверенитета.

Правовой основой для выдачи антиисковых запретов в России служат статьи 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, введенные Федеральным законом № 171-ФЗ в 2020 году. Как отмечается в отечественной литературе, данные нормы наделяют российские арбитражные суды исключительной компетенцией по рассмотрению споров, в которых участвуют лица, в отношении которых иностранным государством введены ограничительные меры (санкции). Указанные положения влекут за собой, во-первых, признание недействующими арбитражных соглашений, предусматривающих разрешение спора за пределами Российской Федерации; во-вторых, предоставляют российскому суду право выносить собственные запреты на инициирование или продолжение разбирательств в иностранных судах или арбитражах; и, в-третьих, устанавливают ответственность за нарушение подобных российских запретов.

Как следует из анализа судебной практики, положения статьи 248.1 АПК РФ применяются российскими судами достаточно широко. Иллюстративным примером служит дело *RusChemAlliance LLC v. UniCredit Bank GmbH*, где Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 248.1 АПК РФ, признал себя компетентным по иску российской компании к немецкому банку, несмотря на наличие в гарантиях арбитражной оговорки о рассмотрении споров в Париже. Судья Салтыкова прямо указала, что «в силу положений пункта 2 части 1 статьи 248.1 АПК РФ данный спор относится к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации, в связи с чем арбитражное соглашение не может быть исполнено». Важно отметить, что RusChemAlliance никогда не оспаривала действительность арбитражного соглашения как такового, но утверждала, что оно не подлежит исполнению по российскому праву, что является классическим примером применения коллизионной оговорки *ad hoc* для оправдания одностороннего изменения процессуального статуса сторон. [5, 6].

Примечательно, что российские суды в рамках данного дела изначально проявили некоторую сдержанность, приостановив рассмотрение дела по существу до вынесения решения английским судом апелляционной инстанции по вопросу о выдаче антиискового запрета. Однако такое решение носило тактический характер и не свидетельствует об уступке принципам международной вежливости. Напротив, как только российский суд установил свою компетенцию, он продолжил разбирательство, фактически игнорируя антиисковый запрет, выданный английским судом [7].

В более широком контексте российские антиисковые запреты, выдаваемые на основании ст. 248.1 АПК РФ, могут принимать различные формы, включая анти-арбитражные запреты, направленные на воспрепятствование началу или продолжению третейского разбирательства, а также анти-исполнительные запреты, блокирующие признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации. Так, в деле *Gazprom v. Naftogaz* российский суд применил предварительные обеспечительные меры, запретив Naftogaz предпринимать попытки принудительного исполнения решения Международного арбитражного суда Международной торговой палаты в любой юрисдикции, кроме России. Это демонстрирует, что российские суды готовы использовать антиисковые запреты не только для защиты собственной юрисдикции, но и для активного противодействия признанию иностранных судебных и арбитражных актов в глобальном масштабе.

Доктринальные основания российского подхода коренным образом отличаются от английской модели. Если в Англии антиисковый запрет - это средство защиты частного права и исполнения договорных обязательств, то в России он рассматривается как проявление государственного суверенитета в условиях экстраординарного внешнего давления. Это не инструмент помощи арбитражу, а инструмент замещения арбитражной юрисдикции государственной судебной властью в определенной категории дел, затрагивающих публичные интересы. Такой подход, с одной стороны, критикуется в зарубежной доктрине как нарушение международных обязательств России по Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, а с другой - воспринимается в самой России как вынужденная мера противодействия экономическому давлению.

Французский подход к антиисковым запретам представляет собой наиболее последовательное выражение континентальной правовой традиции, рассматривающей данный инструмент как несовместимый с фундаментальными принципами международного гражданского процесса. Как неоднократно подтверждалось во французской судебной практике, антиисковые запреты, исходящие от иностранных судов, не подлежат признанию и исполнению на территории Франции. Применительно к выдаче антиисковых запретов самими французскими судами, позиция французского правопорядка является столь же категоричной: французские суды не обладают полномочиями на вынесение подобных судебных актов.

Данная позиция основана на нескольких ключевых доктринальных постулатах. Прежде всего, антиисковый запрет рассматривается как нарушение принципа международной вежливости (comity), поскольку он представляет собой прямое вмешательство в юрисдикционную деятельность иностранного суда. С точки зрения французского права, запретить стороне обращаться к иностранному суду - значит, поставить под сомнение само право этого суда рассматривать переданное ему дело. Во-вторых, антиисковые запреты противоречат процессуальной доктрине, согласно которой суд не может выносить решения, адресованные лицам в отношении их процессуального поведения за пределами его юрисдикции, если такое поведение не связано с правоотношениями, имеющими тесную связь с данным государством [9, 10].

Показательно, что в деле *UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC* Верховный Суд Соединенного Королевства специально запросил и получил подтверждение того, что французские суды не только не выдают антиисковых запретов, но и не обладают юрисдикцией для рассмотрения иска UniCredit о нарушении арбитражного соглашения. Суд, таким образом, констатировал, что обращение к французскому суду было бы для истца не просто малоэффективным, а принципиально невозможным, поскольку французское право просто не предусматривает такой формы защиты. Это обстоятельство стало одним из решающих аргументов в пользу юрисдикции английского суда. Более того, Верховный Суд Великобритании указал, что предоставление английского антиискового запрета в данном случае не нарушает принципа вежливости по отношению к Франции, поскольку сама Франция, как участник Нью-Йоркской конвенции, не может возражать против действий английского суда, направленных на обеспечение исполнения арбитражного соглашения, даже если эти действия принимают форму антиискового запрета. Однако данное утверждение не должно вводить в заблуждение: французское право в равной степени отвергает любые антиисковые запреты как инструмент национального правосудия, независимо от их основания и целей. Это означает, что французский подход является наиболее строгим из всех рассматриваемых и не допускает каких-либо исключений даже в условиях экстраординарных обстоятельств, подобных тем, что возникли в связи с санкциями против России.

Примечательно, что вопрос о недоступности антиисковых запретов во Франции поднимался в доктрине и в контексте разграничения английской модели «судебного надзора» и французской модели «международного публичного порядка». Если в Англии антиисковый запрет рассматривается как проявление судебной власти по защите договорных обязательств, то во Франции он воспринимается как инструмент «судебного империализма», противоречащий системе международной процессуальной коллаборации. Эта фундаментальная разница объясняет, почему французские суды отказывают в признании иностранных антиисковых запретов и не применяют аналогичные механизмы, создавая тем самым правовой вакуум, который в определенных ситуациях заполняется судами других юрисдикций, например, английскими.

Проведенный анализ позволяет выявить три принципиально различных подхода к институту антиисковых запретов.

Английская модель представляет собой наиболее гибкий и доктринально последовательный подход. В основе ее лежит частноправовая логика защиты договорного обязательства разрешать спор в согласованном порядке. Английские суды рассматривают антиисковый запрет как экстраординарное, но оправданное средство, направленное на принуждение стороны исполнить свои договорные обязательства. Юрисдикция английского суда на выдачу такого запрета основывается либо на личной юрисдикции над стороной-нарушителем, либо на том, что арбитражное соглашение регулируется английским правом. Важно подчеркнуть, что в деле *UniCredit* Верховный Суд четко обозначил пределы этой юрисдикции: по его мнению, основанием для выдачи запрета служит именно факт нарушения контракта, совершенного под английским правом, а не желание подменить собой суд места арбитража. Однако сам факт такого расширительного

толкования свидетельствует о готовности английских судов к активной роли в глобальном управлении международным арбитражем, особенно в условиях, когда иные механизмы защиты оказываются неэффективными.

Российская модель представляет собой крайний случай инструментализации антиисковых запретов. Ее основой является не защита частного договора, а защита государственного суверенитета в условиях санкционного давления. Российские суды, руководствуясь ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, воспринимают себя как единственно легитимный судебный орган в определенной категории споров с участием российских лиц, пострадавших от санкций. Это доктрина «исключительной юрисдикции» по существу означает отказ от признания арбитражных соглашений, которые не подпадают под юрисдикцию России. Вместо того чтобы рассматривать антиисковый запрет как средство защиты прав стороны, российские суды используют его как контрмеру против иностранных судов и арбитражей. Такой подход, безусловно, приводит к фрагментации международного правопорядка и столкновению юрисдикций, но является сознательным выбором государства, исходящего из необходимости защиты национальных интересов [11, 12].

Французская модель - это подход «принципиального отказа». Французские суды не обладают полномочиями по выдаче антиисковых запретов и не признают подобные акты иностранных судов. Данная позиция основывается на незыблемом для континентальной правовой семьи принципе, что суд не может вмешиваться в юрисдикционную деятельность иного государства. Однако неспособность французских судов предоставить защиту в ситуациях, подобных делу *UniCredit*, где российская сторона игнорирует арбитражное соглашение, а место арбитража находится во Франции, создает процессуальный вакуум. Английский суд фактически восполнил этот пробел, но сделал это без какой-либо санкции французского права, что лишь подтверждает асимметричность глобальной системы процессуальной защиты.

Таким образом, «дипломатия запретов» становится отражением геополитических процессов и полем столкновения различных концепций правопорядка и суверенитета. Дальнейшее развитие института зависит от способности международного сообщества выработать общие подходы - либо это приведет к дальнейшей фрагментации и созданию параллельных систем правосудия.

Литература

1. UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 — решение Верховного Суда Соединенного Королевства от 18 сентября 2024 года.
2. Aggeliki Charis Compania Maritima SA v. Pagnan SpA (The "Angelic Grace") [1995] 1 Lloyd's Rep 87.
3. Enka Insaat Ve Sanayi AS v. OOO "Insurance Company Chubb" [2020] UKSC 38 — решение Верховного Суда Великобритании от 9 октября 2020 года.
4. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года — статья II(3).
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, статьи 248.1 и 248.2 (введены Федеральным законом № 171-ФЗ от 8 июня 2020 года).
6. Козырин А.А. Антиисковые юрисдикционные запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты : дис. … канд. юрид. наук. — Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. — 188 с.
7. Салдугей М.С. Антиисковой запрет: сравнительно-правовой анализ правового института в английском и российском праве : магистерская дис. — М. : НИУ ВШЭ, 2025.
8. Кайзер Ю.В., Кляус Н.В., Кондюрина Ю.А. Антиисковые запреты: понятие и сфера использования // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 118–121. .
9. Ярков В.В., Долганичев В.В., Туктамышев В.Д., Иванов Е.И. Антисанкционный процесс: компетенция судов, презумпции, антиисковой запрет и экзекватура // European and Asian Law Review. — 2025. — № 4. — Т. 8. — С. 64–74.
10. Ярков В.В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 3. — С. 65–73.
11. Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 9. — С. 111–125.
12. Гильманова В.И. Заявление об «антиисковом» запрете как новое средство защиты в национальном правопорядке // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2. — С. 127–134.

The "diplomacy" of injunctions: comparative analysis of approaches to issuing anti-suit injunctions in Russia, England and Wales, and France

Nikoev N.G.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the phenomenon of anti-suit injunctions as a tool of procedural counteraction in private international law using the example of three jurisdictions: Russia, England and Wales, and France. Based on a comparative analysis, the author outlines fundamental differences in the doctrinal justification and procedural mechanisms for issuing these judicial acts. Particular attention is paid to the impact of sanctions on the evolution of judicial practice in the mentioned jurisdictions. Based on the analysis of the case of UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC, the author suggests how English courts, using the anti-suit injunction mechanism, fill a procedural vacuum in situations where the courts of the place of arbitration (France) are deprived of similar powers, and the courts of the plaintiff's country of incorporation (Russia) apply legislation on exclusive jurisdiction to level arbitration agreements. The author draws the line stating that at this juncture, anti-suit injunctions are being transformed from a technical means of combating unfair procedural behavior into an element of "prohibition diplomacy", reflecting the deep fragmentation of the international legal order and the clash of various concepts of sovereignty.

Keywords: anti-suit injunctions, international civil procedure, international commercial arbitration, exclusive jurisdiction, sanctions, procedural opposition, international courtesy, New York Convention of 1958, comparative jurisprudence, jurisdictional conflict.

References

1. UniCredit Bank GmbH v. RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 — judgment of the Supreme Court of the United Kingdom dated 18 September 2024.
2. Aggeliki Charis Compania Maritima SA v. Pagnan SpA (The "Angelic Grace") [1995] 1 Lloyd's Rep 87.
3. Enka Insaat Ve Sanayi AS v. OOO "Insurance Company Chubb" [2020] UKSC 38 — judgment of the Supreme Court of the United Kingdom dated 9 October 2020.
4. New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards 1958 — Article II(3).
5. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Articles 248.1 and 248.2 (introduced by Federal Law No. 171-FZ of June 8, 2020).
6. Kozyrin, A.A. Anti-suit Jurisdictional Injunctions: A Comparative Legal Study of Legal Remedies: Cand. Sci. (Law) Dissertation. — Yekaterinburg: V.F. Yakovlev Ural State Law University, 2025. — 188 p.
7. Saldugey, M.S. Anti-suit Injunction: A Comparative Legal Analysis of the Legal Institution in English and Russian Law: Master's Dissertation. — Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2025.
8. Kaiser, Yu.V., Klyaus, N.V., Kondyurina, Yu.A. Anti-suit Injunctions: Concept and Scope of Application // Bulletin of Omsk University. Series "Law". - 2026. - Vol. 23, No. 1. - Pp. 118-121. .
9. Yarkov V.V., Dolganichev V.V., Tuktamyshev V.D., Ivanov E.I. Anti-sanctions process: competence of courts, presumptions, anti-suit injunction, and exequatur // European and Asian Law Review. - 2025. - No. 4. - Vol. 8. - Pp. 64-74.
10. Yarkov V.V. Does Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation contain a presumption of limitation of procedural rights of Russian individuals under sanctions? // Russian law: education, practice, science. - 2023. - No. 3. - Pp. 65-73.